

ЕЛЕНА

(А. Е. Скворцову в память Вятской жизни)

"Und das Dort ist niemals hier!"

Schiller, "Der Pilgrim"

[И то, что Там, - никогда не бывает здесь! Шиллер (нем.)]

I

Спокойно. Я мой век на камне кончу сем.
Озеров

В небольшом доме на Поварской жил небольшого роста человек. Он жил спокойно, тихо, потому что не умиралось. Весь околоток любил и уважал его; когда он, по обыкновению, приходил в воскресенье к обедне, диакон ставил себе за обязанность поклониться ему особенно; когда он проходил мимо соседней авошной лавочки, толстый лавочник, удивительным образом помещавшийся на крошечном складном стуле, мгновенно вставал, кланялся и иногда осмеливался прибавить: "Ивану Сергеевичу наше низкое почитание". А Иван Сергеевич, с лицом, на котором выражалось совершеннейшее спокойствие духа, улыбаясь, принимал эти знаки доброжелательства.

Никто не видывал Ивана Сергеевича печальным, сердитым; даже незаметно было, чтоб он старелся. Он являлся на московских улицах здоровым, довольным, счастливым, зимою в теплом сюртуке с потертым бобровым воротником и с палкой из сахарного тростника, летом - в темно-синем фраке и с тою же палкой.

"Что это Иван Сергеевич не женится? - говорила часто соседка его, старая генеральша, страшная охотница до архиерейской службы, постного-кушанья и чужих дел. - Право, за него можно отдать всякую девушку: ни одного праздника не пропустит, чтоб не быть у обедни. Редкость в наше время такой человек!

Вот была бы ему пара Анфисы Николаевы племянница". - "Без всякого сомнения", - отвечала проживавшая у генеральши вдова бедного чиновника и которая так же, как и генеральша, не знала ни Ивана Сергеевича, ни племянницу Анфисы Николаевы. Поступим же лучше и познакомимся с ним.

Коллежский советник и ордена св. Анны 2-й степени кавалер, Иван Сергеевич Тильков принадлежал к числу тех людей, которые проводят целую жизнь с ясностью осеннего дня и без дождя и без солнца. Воспитанный некогда у профессора Дильтея в маленьком домашнем пансионе, где был прилежным и благонравным учеником, он образованием своим стоял выше большей части тогдашней молодежи. Сначала его записали в гвардию; тихий, флегматический и не очень богатый, он не мог участвовать в буйной и роскошной жизни своих товарищей. Его сделали полковым адъютантом, и тут он приобрел искреннюю любовь офицеров, потому что не ябедничал на них полковому командиру и не переменил порядок дежурства и нарядов по первой просьбе. Домашние обстоятельства заставили его перейти в гражданскую службу, и, сняв свой невинный меч, он принялся за перо. Служивши советником в какой-то коллегии, он умел сохранить чистоту совести и